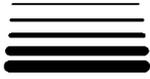

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский словарь

ФИЛОСОФИЯ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

Выпуск 4

Продолжаем публикацию новых статей философского «Проективного словаря». В этой подборке собраны словарные статьи, посвященные поискам новых оснований и применений философии знаковых систем.

В этой области гуманитарного знания сложилась в настоящее время довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, очевидны широчайшие возможности анализа знаковых систем не только применительно к процессам коммуникации, текстовым объектам, но и в философии и теории культуры, личности, социальной динамики и т.д. С другой стороны, не менее очевидной становится ограниченность традиционных концептуальных рамок такого анализа. Они задаются либо семиотикой, восходящей к традиции американского прагматизма Ч.С. Пирса, Ч. Морриса, с ее различением синтаксиса, семантики и прагматики, либо к семиологии, восходящей к традиции французского структурализма. До сих пор слабо изучены возможности и перспективы традиции, восходящей к В. Гумбольдту, В. Вундту, А. Фосслеру, А. Марти, продолженной в работах Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, традиции, которая привлекает аппарат герменевтического анализа, учитывает роль и значение личности как источника, средства, а иногда и результата семиозиса.

Предлагаемая подборка – только часть наработок коллектива авторов Проективного словаря.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

АВТОСЕМИКА (от греч. αὐτός – сам и σήμα – знак) – одна из дисциплин *квадриума семиотического* (см.), а также соответствующий тип семиотических отношений. А. – отношение знака (знаковой системы) к самому себе, к своей собственной структуре. А. – необходимое следствие автокоммуникации (термин Ю.М. Лотмана). Отношение друг к другу разных редакций одного и того же текста является автосемическим. Один и тот же знак, погружаясь в разные контексты, изменяется автосемически. Возможна эволюция знака – от буквальности (автологии) к символике. Такая автосемическая эволюция осуществляется в интерпретации знака (текста).

Например, вся трансформация значений слова «идея» от Античности до наших дней является по существу автосемической.

Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб., 2004. – С. 163 – 177.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. – М., 2006.

А.Ю. Шелковников

АРХЕСЕМИКА (от греч. ἀρχή – начало и σήμα – знак) – одна из дисциплин *квадриума семиотического* (см.), а также соответствующий тип семиотических отношений. А. представляет собой отношения знак – код. Действительно, архесемические отношения отличаются от синтаксических (знак – знак), семантических (знак – предмет) и прагматических (знак – пользователь). Отношение любого варианта к структурному инварианту является архесемическим. Каждый текстовый сегмент находится в определенном отношении к системе (парадигме) элементов, образующих кодовую структуру. В принципе, парадигматико-синтагматические отношения и являются областью А. Архесемические отношения давно и плодотворно изучаются, но почему-то, как правило, не выделяются в самостоятельный тип знаковых отношений, отличный от синтактики, семантики и прагматики.

Например, высказывание «Я говорю по-русски» имеет свою внутреннюю синтаксическую структуру, семантически связано с предметным миром, прагматически используется общающимися и архесемически относится к парадигматике русского языка.

Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 2000.

Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. – М., 1998.

Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М., Екатеринбург, 2001.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. – М., 2006.

Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994.

А.Ю. Шелковников

КВАДРИВИУМ СЕМИОТИЧЕСКИЙ (от лат. quadrivium – четырехпутье и *семиотика*, греч. σημιωτική, от σημιον – знак) – по аналогии с квадривиумом позднеантичных и средневековых «свободных искусств» (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) четыре типа семиотических отношений и соответствующих им проективных наук – *архесемика* (см.), *транссемика* (см.), *автосемика* (см.) и *семиокосмология* (см.). Напомним, что Ч. Моррис проводил аналогии между тремя типами семиотических отношений (синтактика, семантика, прагматика) и тривиумом «свободных искусств» (грамматика, диалектика, риторика). Соотнесенные семиотические тривиум и квадривиум позволяют говорить о «семи свободных семиотических искусствах».

Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.; Екатеринбург, 2001.

Шелковников А.Ю. Интегральная поэтика Н.С. Гумилева. Семиотика акмеизма. – Барнаул, 2002.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. – М., 2006.

А.Ю. Шелковников

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛИНГВИСТИКА, КОГНИТИВНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ (cultural theory of language, cognitive theory of culture) – научное направление, появившееся на стыке философии культуры, культурной антропологии и лингвистики. Исследуются языковые феномены (языковые элементы, структуры, значения, их взаимодействие и взаимоотношение) в тесной связи с бытием культурных форм или определенным смысловым и идеационным пространством (национальным, социальным, культурным, цивилизационным). Научными истоками лингвокультурологии обычно считают антропоцентрическое направление гуманитарного знания, представленное в философии и лингвистике работами В. фон Гумбольдта и Эдуарда Сепира, показавшими взаимосвязь языка и культуры через посредство индивидуального (социального) сознания языковой личности. Это закрепляло центральные позиции в исследовательских уси-

лиях лингвокультурологов за поиском прямых или косвенных культурно-языковых (точнее этнолингвистических) соответствий между языком (как этносоциальным кодом) и речевым или социальным поведением носителей языка. Список этих соответствий (или несоответствий) определял параметры сопоставления языков и культур, их формально-смыслового конструирования, поиска оснований для описания языковой (этнической) личности. Лингвофилософские штудии последователей Л. Витгенштейна (Дж. Сёрла, Дж. Остина, Я. Стросона), демонстрирующие «поверхностный» де-онтологизированный способ представления сознания, смоделировали ситуацию замещения смысла высказывания (утверждения) его коммуникативно-прагматическими рамками, а понятия «коммуникативный» и «когнитивный» фактически были разведены (вопреки семиотическим наблюдениям Р.О. Якобсона, видевшего в них системное тождество).

Идеи соединения языка и культуры через мысль, индивидуальное сознание, выражающее себя в дискурсивном пространстве внутреннего или внешнего диалога, получили достаточно серьезное развитие в отечественной философии, в своих лингвофилософских проявлениях изначально герменевтической и онтологической, как по существу мысли, так и по формам ее конструирования. Достаточно провести линию идеационной преемственности от А. Потебни через М. Бахтина, Г. Шпета и М. Мамардашвили, как становится ясной основная линия «проращивания» русской лингвокультурологической мысли: язык не функция, а особое состояние сознания, выстроенного на базе мысли-в-культуре, а значит – текстов культуры. В этой же парадигмальной призме мы видим семиотику литературного текста в варианте Тартуско-Московской семиотической школы и продвижения посттартуских идей *континуального знака* как основы интеллектуального способа мыслить себя в мире и/или мир в себе. Однако этот своего рода лингвистический онтологизм не стал лингвокультурологическим, так как был, в основном, не поддержан в собственно языковедческой среде, а в других гуманитарных общностях лишен «материальной основы» результатов исследования образцов устной и письменной речи. Что касается русистики, то достаточно условное лингвокультурологическое направление получило в ней большое распространение в связи с утилитарными целями организации массового преподавания русского языка нерусским в 70 – 80 гг. XX в. (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин), а затем в связи с «перезагрузкой» советской идеационной основы русского языкознания под влиянием социальной и когнитивной психологии (В.В. Воробьев). В этом смысле особое распространение получили идеи А. Вежбицкой, «овеществившей» идею лингвис-

тической философии о когнитивном диктате «наивной картины мира» в концепции национальных «семантических примитивов». Построение различного рода лексически ориентированных стандартизированных моделей национального языкового сознания, рисующих *границы национального*, определило и ограниченность, а в некоторых случаях и культурологическую наивность вычленения национальных сущностей и построения их конечных списков.

Вместе с тем герменевтические и когнитивные интервенции новых смыслов стали придавать лингвокультурологическим работам явный персонологический оттенок, превращая это направление в когнитивную науку о языковом (речевом, текстовом) сознании человека-в-культуре или *когнитивную культурологию* (Дж. Лаккофф, в отечественном пространстве – Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак и др.). В ситуации быстрого изменения форм, содержания и механизмов индивидуального сознания персонологический поворот лингвокультурологии неизбежно оказался постперсонологическим в результате доминирования очевидных когнитивных процессов, формирующих постперсонологические способы бытия (и=реализации) сознания: предельной виртуализации значений и смыслов, разрыву логических цепочек и логических единств (гештальтов), «прекращению» «прекращения» лексической корреляции в пользу когнитивной ситуации (т.е. ситуации «встроенности» слова в длинные цепочки нестрогих парадигмальных соответствий), постоянной настроенности на римейк, воспроизводство и тавтологический повтор, замещение *стратегий понимания* (Т. Ван Дейк) *интеллектуальными стратегиями* построения «текста в...», «текста до...», «текста после...» и «текста вместо...» как системы проекций *обязательного предварительного непонимания*. В условиях системного когнитивного диссонанса и парадокса лингвокультурология как *наука о национально ориентированных способах языкового выражения осмысленности мира* не способна удержать быстро трансформирующийся мир в фокусе своего рассмотрения. Она преобразует себя в науку о лингвистических способах изучения человека-в-культуре (культуролингвистику), а затем, теряя свой основной объект – эпистему (или=логоэпистему), начинает описывать мир концептуальных метафор человеческого типа сознания, т.е. вполне может быть представлена как когнитивная культурология. Язык, становясь из объекта описания *средством описания*, оказывается опредмеченным пространством индивидуального сознания, а потому – обязательно включенным в текст. Это уже не обычная интерпретация (попытка приписать слову, высказыванию историко-культурный или социокультурный контекст), а интеллектуальная *манипуляция смыслом*, выражающая себя в попытке приписать некоторому фрагменту не

только значения и смыслы (как в функциональных системах логики), но и способы (методику) интеллектуального действия. Удвоение процессуальности (и описание самого процесса такого удвоения) способно в определенной степени восстановить разрывы и лакуны в когнитивном теле эпистем, гештальтов, фреймов, превращающих любой процесс лингвокультурологического описания в «дурную бесконечность» моделирования собственных «представлений о...». Возникает надежда, что концептуальный анализ текстов культуры, обладающий свойствами «мейнстрима» в современном лингвистически ориентированном исследовании культуры (называемый нами когнитивной культурологией) будет иметь заметные исследовательские результаты.

В.А. Сулимов

МОДЕЛЬ ЗНАКА КВАРТЕРНАЯ (от лат. *quaterni* – по четыре) – выделение четырех аспектов в знаке. От Ф. де Соссюра идет бинарная модель знака – условная связь означающего и означаемого. С Г. Фреге связана традиция различения смысла и значения, в связи с чем в современной семиотике выделяются интенциональная и экстенциональная семантики. Поэтому иногда в лингвистической и семиотической литературе рассматривают тернарную модель знака «означающее – интенционал – экстенционал». На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело не с тернарностью, а с дифференциацией соссюровского означаемого на «смысл» и «значение». Тернарная модель знака может быть представлена так: означающее – значение – означаемое, где означающее – материальное, условное выражение смысла, содержания, определенной информации; означаемое – некоторая предметная область (объем и содержание понятия); значение – сложная система отношений между означающим и означаемым. В соссюрианской семиологии такой взгляд на «слова и вещи» невозможен, так как там подчеркивается немотивированная, произвольная связь формы и содержания знака. Как бы там ни было, в процессе коммуникации, интерпретации между означающими и означаемыми, выражением и содержанием текста устанавливаются весьма сложные, многократно кодируемые отношения. Они-то и являются областью значений (в отличие от означающих и означаемых).

М. з. к. – не только метафорически, но и структурно-типологически воссоздает аристотелевскую модель четырех причин: форма – материя – движение – цель. Форма аналогична означающему, материя – означаемому, движение – значению, цель – семиосферной функции. Таким образом, означающее (форма) – правила артикуляции знака; означаемое («материя», содержание) –

понятие; значение («движущая причина») – система отношений между означающим и означаемым; функция («целевая причина») – семиосферный топос знака как целого, его экологическая ниша в системе культуры, локальная организация. Итак, М. з. к.: означающее – значение – означаемое – функция.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М., 2004.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. – М., 1997.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. – М., 2006.

А.Ю. Шелковников

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМИОЗИС (national semiosis) – предельная когнитивная форма существования индивидуума и общества, бытие интеллектуального сознания, совершаемое в знаковой форме на основании интериоризированных и/или создаваемых специально кодов культуры.

Рассматривая семиозис как целостный когнитивный процесс порождения/восприятия текстов культуры, можно выделить ту область текстов, которая оказывается наиболее информационно-емкой для целей когнитивного анализа. Эта область – литературный текст. Вместе с тем русский литературный текст постсовременности демонстрирует те же качества, что и иные тексты культуры, например, визуальные. К этим новым (и вполне сформировавшимся) качествам текстов культуры относится *трансформационность*, пределы которой определяются (а) ассоциативными возможностями индивидуального сознания участников текстовой деятельности и (б) когнитивными характеристиками самого текста, задающего пределы собственной интерпретации. Качество трансформационности, являясь следствием континуальной или не-бинарной семиотики, оказывается главным фактором функционирования текста как ментальной основы семиозиса культуры, существенно модифицируя текст из устройства передачи информации от адресанта к адресату в интеллектуальное устройство, сходное с устройством автономной личности, производящей смыслы: «...текст предстает перед нами не как реализация сообщения, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (1, 131). Такое самостоятельное бытие текста как личности, инспирирование текстами «но-

вой реальности», охватывающей все большее текстовое идеационное пространство, вызывает постперсоналистское изменение бытия индивидуума в виртуализированном контексте, превращение «реальной» (реактивной — в смысле господствующих психических механизмов) повседневности в «виртуальную» (рефлексивную или даже гипер-рефлексивную). Рост *энтропийного, случайного*, падение *причинно-следственного* и вообще *логико-центрического* в сознании все более автономизирующегося и атомизирующегося жителя большого города (этого главного субъекта современной культуры) становится главным аспектом сознания (и=осознания) мира человеком эпохи постсовременности, причем вне всякой зависимости от наличия или отсутствия работ философов-постмодернистов. Можно говорить, в этой связи, о росте случайного в когнитивных системах индивидуального сознания, о необходимости моделирования случайного в эпистемологические ряды, объединенные не только по классическим принципам смежности и сходства, но и по принципу ассоциативного совпадения или простого соположения ментальных блоков. На эту особенность трансформирующихся гуманитарных штудий указывал Ю.М. Лотман в своем предсмертном интервью журналу «Человек»: «...мы стремимся ввести непредсказуемость в область науки. До сих пор наука занималась причинно-следственными связями, оставляя непредсказуемое и случайное за своими пределами» (2, 45). Исследование «непредсказуемого» в отношении культурно-исторического процесса вполне укладывается в программу исследования семиозиса как *изменчивого (подвижного) процесса непрерывного означивания, которое выражается в порождении, трансляции и восприятии текстов культуры*. Такое понимание семиозиса отнюдь не ставит знак равенства между семиозисом и, например, текстовой деятельностью, проявляющей себя в создании и прочтении литературных текстов.

В условиях возрастающего пространства национального семиозиса (расширения его временных, ментальных и географических границ) число этих кодов (в силу усложнения логико-когнитивных форм осуществления текста в национальном когнитивном пространстве — роста сущностного многообразия) увеличивается настолько, что периферии текстовых и их вторичных образований («сгущений») начинают инкорпорироваться друг в друга и возникает лингвокультурологический эффект доминирования языкового континуума (гиперситуации, интеллектуальной гиперобщности, гипертрансляционной системы).

Семиотически феномен общего доминирования языкового континуума, уже достаточно четко наблюдаемый не только в литературных, но и большинстве иных текстов (СМИ, рекламных,

юридических, научных и др.) описывается как переход от преимущественно дискретного к преимущественно континуальному набору знаков, от кодов культуры к мега- и гипер-кодам, осуществляющим новое (неконечное) фрагментирование мира. Стилистически этот феномен выражает себя в виде эмоционально-экспрессивной и оценочной избыточности текстов. Культурно-антропологическое понимание этого же феномена заложено в явлении гипер-континуальности языкового сознания, возвращающего символически-образные миры (и=фантомные объединения) в режим актуализации. Побочным следствием этого является актуализация религиозной идеологии, формирующей новые парадигмы, построенные, правда, на иной аксиологической базе, выходящей далеко за пределы традиционного ислама или христианства.

«Знаниевая», тезаурусная или *собственно когнитивная* составляющая такого (измененного) сознания деформируется до индивидуализированной системы подвижных образных (визуализированных) скоплений или своеобразной *стратегии когнитивных теней*, которые взаимодействуют с текстовой средой в аналоговом режиме, но не создают устойчивых гештальтов или фреймов. Подвижность образной системы, успешно противодействующая интериоризации как основному способу формирования традиционной когнитивной структуры – уровневого сознания, препятствует накоплению и структурированию концептов (и тем более – выстраиванию индивидуального варианта концептосферы). Это вполне относится к социальным аспектам построения концептосферы (в том числе национальной) как основы бытия культуры. Концептуальный дефицит, который для нашей страны становится уже заметным, пытаются подменить созданием набора симулякров в виде некоторой «новой» государственной или национальной идеологии. Миметическое по природе «уподобление образу» или *поиск ассоциативного тождества* оказывается всегда незавершенным, легко разрушаемым при помощи общего или даже частичного изменения текстовой среды: смены пиар-тональности, суггестивного смыслового регистра СМИ или «выпадения» индивидуального сознания из псевдокогнитивного текстового бульона повседневности. При этом сильный тип индивидуального сознания (меньшинство) проходит в «кипящем растворе» неустойчивых подвижных смыслов интеллектуальную тренировку и осваивает *стратегию когнитивных теней* как одну из когнитивных стратегий креативности (другими словами, использует ее для создания текстов культуры с заданными стилистическими свойствами), слабый тип индивидуального сознания «не справляется» с ассоциативным про-

странством и впадает в медленный процесс деструкции, связанный с ситуацией распада семиозиса как такового. Таким образом, директории деконструкции и деструкции в аналогичной ситуации когнитивного перехода существенно расходятся, предлагая, фактически, два нестрого противопоставленных друг другу культурно-антропологических исхода (разрушения/преобразования сознания или разрушения-преобразования сознания): «Фиксация в представлении того, что стало внутренним, тренирует способность концентрации, а вместе с ней и силу воображения. Поскольку образ воспроизводится только воображаемо, его необходимо все время заново восстанавливать вопреки присущей ему неизбежности исчезновения и фиксировать вопреки потоку всплывающих во внутреннем мире “образов-помех”. Эта деятельность воображения миметична и представляет собой элемент всякого креативного производства образов» (3, 208). Можно, по-видимому, считать, что образные скопления (как и протообразные – собственно символические элементы) являются проективными образованиями гипертрофированной фантазии – феномена слабо вычлняющегося и потому недостаточно описанного: «Совершенно очевидно, что фантазия не поддается рациональному объяснению. Сами образы следует понимать только как воплощение этой элементарной силы, которая необъективируема и не подлежит учету» (3, 210).

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т.1. – Таллинн, 1992.

Лотман Ю. На пороге непредсказуемого // *Человек.* 1993. № 6.

Вульф К. Антропология: история, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: Изд.-во СПб ун-та, 2008.

Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. – М., 2005.

В.А.Сулимов

СЕМИОКОСМОЛОГИЯ (от греч. σημεῖον – знак, κόσμος – мир, Вселенная и λόγος – учение) – одна из дисциплин *квадриуума семиотического* (см.), а также соответствующий тип семиотических отношений. С. – отношение знака к семиотическому пространству, семиосфере (термин Ю.М. Лотмана). Знак (текст) находится в определенных отношениях с другими знаками (синтактика), с предметами, которые он обозначает (семантика), с адресатами и адресантами сообщения (прагматика), с национальным или искусственным языком, культурными кодами (*архесемика*), со своими возможными семиотическими эквивален-

тами (*транссемика*), с динамикой своей собственной структуры (*автосемика*) и с семиотическим космосом.

Например, слово «знак» является обозначением структурно-го элемента семиотического пространства, а также самой возможности означивания.

Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб., 2004.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. — М., 2006.

А.Ю. Шелковников

ТРАНССЕМИКА (от лат. *trans* — сквозь, через, за и греч. *σῆμα* — знак) — одна из дисциплин *квадривиума семиотического* (см.), а также соответствующий тип семиотических отношений. Т. представляет собой систему семиотических параллелизмов. Это — своего рода внутритекстовая парадигматика, т.е. то, что делает текст вторичной моделирующей структурой. Внутритекстовые отношения принято рассматривать как синтактические или синтагматические. Но кроме синтактики в тексте (высказывании) существует система параллелизмов, которая основана на парадигматических отношениях. Если между знаками в тексте существуют не только синтактические отношения, то есть смысл выделить все семиотические параллелизмы в особый класс отношений, который мы предлагаем назвать Т. Все значимые полные и частичные повторы, все эквивалентности, синонимы, рифма и т.п. относятся именно к Т. Символические соответствия также относятся к этой категории. Явления символизма и ритма — наиболее существенные и показательные примеры Т.

Например, в высказывании «Леопард, или барс (пантера) — млекопитающее семейства кошачьих» синонимы находятся в транссемических отношениях.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // *Лотман Ю.М.* Об искусстве. — СПб., 2000. — С. 13 — 286.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. — М., 2006.

А.Ю. Шелковников

ФИЛОСОФИЯ СЕМИОТИКИ (греч. *φιλοσοφία*, букв. — любовь к мудрости, от *φιλέω* — люблю и *σοφία* — мудрость; *σημειωτική*, от *σημειον* — знак) — философское осмысление семиотических проблем, одна из *софийных дисциплин* (см.). Концепция Ф. с. является развитием одной из возможностей, предложенных М.Н. Эпштейном. Вообще, началом Ф. с. следует признать

теорию семиосферы Ю.М. Лотмана. Основными вопросами Ф. с. являются следующие: онтология семиосферы и семиозиса, отношение знаковости к внесемиозису и иносемиозису, феноменология знака и знаковой системы, семиозис и сознание, диалектика целостности-множественности семиотического пространства.

В контексте Ф. с. новую интерпретацию получают такие универсалии, как смысл, логос и гнозис. Смысл имманентен семиотическому пространству, но он есть иное, не-семиотическое в семиосфере, он отличен от таких аспектов знаковости, как значение, означаемое, концепт и т.п. Смысл представляет собой лакуны в семиосфере, не заполненные информацией, и именно это «межзнаковое» пространство является пространством осмысления любых семиотических феноменов, условием семиозиса. Логос есть привхождение в семиосферу новых смыслов. В этом смысле откровение может быть истолковано как инкарнация бытия (не-знакового, безусловного) в семиотическое (конвенциональное) пространство. Гнозис есть восхождение смысла (неконвенционального в сознании) к бытию из семиосферы, трансцендирование семиозиса.

Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб., 2004.

Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. — СПб., 2002.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. — М., 2006.

Эшштейн М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. — М., 2004.

А.Ю. Шелковников